

ВЛАДИСЛАВ
САВЕНКО

СБОРНИК СТИХОВ

МОРЕ КРЫЛАТОЕ

16+

Владислав Савенко

Море крылатое

«Автор»

2020

Савенко В.

Море крылатое / В. Савенко — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-98812-5

Владислав Савенко – поэт интересной судьбы. Половину своей сознательной прожил за границей. Вернувшись в родной Санкт-Петербург, возобновил свое пристрастие к поэзии, литературе. В юности посещал Лито ленинградского поэта Виктора Сосноры. По профессии – психолог, возможно, поэтому жанровую основу его творчества составляет философская лирика. Есть немало пейзажных зарисовок в стихах.

ISBN 978-5-532-98812-5

© Савенко В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Не стихи	6
Уют	7
Ручей	8
Пастушок	9
Зачем	10
Палитра	11
Перед дождем	12
Окрест	13
Лист	14
Жертва	15
Мой дом	16
Роль	17
Неон	18
Крылья	19
Корфу	20
Наряд	21
Разговор с мамой	22
Волны	23
Провинции Рима	24
Стихи	25
Корабли	26
Полет	27
Легко	28
На краю	29
Горюшко	30
Не обернусь	31
Перелистни!	32
Снегири	33
Лампада	34
Путь	35
С плеча	36
Силуэт	37
Пробка	38
Со скалы	39
Оглянусь	40
К тебе	41
Отпустило	42
В чаще	43
Дороги	44
Чужая жизнь	45
Городу	46
Поперек	47
Как тебя найти?	48
Алфавит	49
За окном	50
Утро	51

Лица	52
Наперед	53
После	54
Соринка	55
Лицо	56
Мы	57
Подорожник	58
К доске	59
Двери	60
Истина и Весна	61
Рубище	62
У мамы	63
Кроссворд	64
На испуг	65
Птицы	66
В золе	67
Трансформация	68
В Питере	69
Комнаты	70
О маме	71
Гнет	72
В лесу	73
Рисунок	74
Из троллейбуса	75
Маме	76
На улице	77
В браке	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Владислав Савенко

Море крылатое

Не стихи

Из моих не стихов я построю крылатое море,
И оно полетит за седые мои облака,
А они потемнеют, как тучи чернеют порою,
И печаль моя будет уже далека, далека...
И прольются дождями все беды мои и тревоги,
И картинная осень размажет свою акварель.
Хоть на миг у природы дыхание станет не строгим
От того, что и смерть принимается мною теперь.
И уже не теснит сердце мне уходящая удаль,
И совсем не саднит та, которая из ребра,
Я ведь так же, как все, в этом мире: не буду, не буду,
И пройдет по полям свежий дождичек из серебра.
Я свои не стихи поделю на пустые приметы,
Я свою не любовь с кем-нибудь разделю пополам.
Да видать такова непутевая участь поэта,
Уходящего в дождь, иногда – приходящего к нам.

Уют

Мне казалось, мой дом сбросит, точно змея,
Шкуру долгих обид, жало прожитых лет.
Но напрасно я ждал, потерялся и я
В эпизодах немых о тебе, обо мне...
Черно-белые кадры, у каждой стены,
Здесь вот так ты сказала, я так посмотрел...
Этот дом словно эхо прошедшей войны,
Только память о ней подведет под расстрел.
Так давай водворяй уже свой самосуд,
Скоротечная осень, чтоб в стеклопакет
Мне добавить: как листья на плаху несут,
Чтобы сжечь, и случилось, что больше их нет!
Во дворе эти листья, как кожа змеи,
Почернели уже, своей участи ждут...
И мой дом, тот – что вырос из мерзлой земли,
Вспоминает свой в прошлом забытый уют.

Ручей

А темная вода в ручье
Мне не покажется ничьей,
Течет меж сосен и берез
Задумчиво и не всерьез,
Высокопарно холодна
С поверхности до ила дна.
Я говорю, как тот ручей,
Лишь ненамного горячей,
И речь моя – скороговорка...
Душа в ней будто бы гостит,
В ней шепот всех моих «прости»,
И вкус ее, скорее, горький.
Ручей – лесная колея,
Как жизнь петлистая моя.

Пастушок

Время – слепой пастушок, бродит берегом озера.
Волки пасутся, охотятся овцы и приморозило,
И серебром отливаются, льда окаем...
Кто б нас заметил здесь, этих – идущих вдвоем?
Флейта иль скрипка? На чем-то играет юнец,
Музыка эта – шкатулка для наших сердец,
Чтоб эту бойню свирепых овец и послушных волков
Нам не видать, как ему, на поляне веков.

Зачем

Зачем меня приворожила Осень?
Ее наряд и броский, и распутный,
Опять от вечных истин, тем уносит
В беспечный разговор, сиюминутный:
Что мишура шального листопада
Прошелестит и, как мираж, исчезнет,
Что ничего от жизни мне не надо,
Лишь был бы хлеб, да чтоб по сердцу песня.
А время – кровный брат, и что с ним спорить?
Гуляет в жилах кровь, я жив, покуда...
Лес обнажается, но не впервые он ведь,
И в гибели да не увижу чуда!

Палитра

Дом – озеро, дом – птица, дом – душа...
Вот ласточка парит над головою,
Вот розы лепестки, что, не спеша,
Спешат к земле, взлетая над собою.
Вся жизнь окажется, как будто бы займы,
И ветер с поцелуями отпустит,
Тот мир, что так любили мы,
Что преисполнен радостью и грустью...
Но тропы нас торопят, тронут сном
Наш шаг земной, в нем кроткая молитва,
Но я проснусь когда-нибудь с Весной,
И будет хороша ее палитра!

Перед дождем

Перед дождем ты, небо, тяжелей
И облака твои – каменоломня.
И дышит испарением полей,
Душа моя, уже себя не помня,
Уже сбиваясь с ритма беглых фраз:
Что, как сказать, кому? И в самом деле:
Все, что решалось вроде бы на раз,
Увязло, растянулось на недели...
И планы как не выстроенный дом,
И время загустело алебастром.
А я пекусь как будто об одном:
Как завершить, что начато напрасно.
А целям всем, желаньям – грош цена,
И выправка не прибавляет чести.
По крайней мере, есть уже стена,
А вдумаясь, вступишь ли: а есть ли?

Окрест

В какую из известных непогод
Нам вновь с тобой в который раз уехать?
Чтобы сказать друг другу: Oh my god,
Печаль ведь не выводится, как перхоть!
И облака, что вспененный шампунь,
Разрежет «Боинг» лезвиями крыльев.
С ладони вслед ему снежинку сдунь,
Лекарства от себя в нем не открыл я.
Ведь грусть не лечат переменой мест,
И климата, и общества, и речи...
А если счастье есть, оно – окрест,
И ни к чему искать его далече.

Лист

Беспрекословны сумерки твои,
И холодеющее небо – Осень!
И кто бы этот дождь ни сотворил,
Иного мы от жизни не попросим!
Иных утех и горести земной
Нам не добавит праздник листопада.
Кленовый лист трепещет надо мной —
Угрюмый гимн в честь гибели парада.

Жертва

Весь этот мир – синоним пустоты.
И в вечной недосказанности моря
Есть только я, деленное на ты, —
Хранитель и паяц своих историй.
Где волны геометрией сложны,
И холодеют берега ладони,
И в мерном шуме раковин ушных,
Как песенка, вся жизнь моя утонет.
И лунный отблеск небу козырнет,
А бриз морской – свежей парного мяса,
И жертве ежедневных будней гнет
Покажется и ласковым, и ясным.
Но Агнца мы не спросим о мечте
Желания последнего и воле.
Нам не порадовать его ничем,
Не приобщить ни к Вере, ни к застолью!

Мой дом

Мой дом, в пыли вины и долга
И в паутине злых обид,
Зачем ты странствовал так долго,
Бродил за мною, как бандит?
А как настиг, твои объятья
Удушливы и не важны,
И в них ни вычесть, ни принять я
Не смог воспоминаний жмых.
Свои потери и находки
Не выменять, не сдать, не сбыть,
И горше меда, слаще водки —
Сор из покинутой избы.

Роль

Сполна отмерено и живости нам,
И драматических обид
На почве дележа недвижимости,
И закулисных ссор и битв.
Любовь не меряют целковыми,
А с режиссером не поспорь!
С какими там еще оковами,
Сравнима будет ваша роль?
А и свобода лишь на плахе нам
Сквозь зубы песенку споет:
Коль мы всю жизнь кормились страхами,
То низок будет наш полет.
Не наречем себя высочеством,
Не отречемся от сует,
Как прежде, имени без отчества,
Ни счастья, ни покоя – нет.

Неон

А Млечный путь, чуть поскреби —
Посыплется и он.
Успехов нам, как мест грибных,
Не носит почтальон.
А в сущности: удача в чем?
Стал посохом сачок.
Мы беды после перечтем
И сбросим за плечо.
Как с четками проговорив:
Любил, люблю, любить,
Мы будем верить до зари
В стальную Парки нить.
И в этом коконе земном,
Как мим, смывая грим,
Душой, что бабочка-неон,
Мы к небу воспарим.

Крылья

Давненько попутаны дни и пути,
Утрачен, потерян маршрут...
А если б и знал: куда надо идти?
Уж точно остался бы тут.
У всех переменных есть страх перемен,
У всех постоянных – предел.
И я, существуя меж снов и дилемм,
Остался видать не у дел.
И я лотерейный счастливый билет
Храню, до сих пор не раскрыл.
И слышится мне (пусть и Ангелов нет)
Их крыльев замах до поры.

Корфу

Знаешь, где-то в прозрачной воде,
Где полощется остров Корфу,
Облака быстроходные где
Паруса свои сизые рвут,
Я по берега кромке брожу
И, как есть, наберусь куражу.
Здесь Потемкин лет двести тому
По французу из пушек палил,
Революции вирус коммун
Уж тогда был врагом всех мерил,
Да теперь под моею ногой
Спотыкается вирус другой.
И давно ко всему я готов.
А свобода не манит уже!
Ионических островов
Лад мажорный прошел по душе.
И, как прежде, торопятся в бой
И судьба, и отлив, и прибой.

Наряд

Еще на год помолодеть,
Приблизиться к черте,
К финальной ленточке, где смерть
Всегда на высоте.
Ах да, стареем мы, так что ж,
Какой в том будет толк?
В пережитое не ввернешь,
Чего не уволок.
Ведь как болгары говорят,
Присвистывая аж,
Он, как бы нам ни шел, наряд,
Придется сдать багаж!¹

¹ Сдать багаж – умереть (народная болгарская поговорка).

Разговор с мамой

Ты шепотом мне прокричи,
Скажи хоть пару слов:
О чем молчали мы в ночи?
Куда нас занесло?
К чему она нас всех влекла,
Река без берегов?
Что под ногами хруст стекла:
Ни кровь, ни боль, ни кров...
Что в вечеряющей мечте,
Куда б ты ни пришел,
Надежды все и те – не те,
И жжется неба шелк.
И дым прогорклый сигарет,
Похожий на туман,
Обманом юности согрет,
Слетает от ума,
Уносится, как мотылек,
И не находит свет.
Маршрут его пусть и далек,
Да вот пределов нет...
И к новой песне новый бой,
Да подведет куплет...
Хоть помолчали мы с тобой,
Но нет, тебя здесь – нет!

Волны

Родители ушли, как по воде
Залива, породнившегося с тучами,
И кто бы, что там... Были они лучшими,
И в памяти лишь будут молодеть.
И к горизонту белым светлячком
Кораблик, что идет на удаление,
Напомнит, как уходят поколения,
А волны – те же волны – бодрячком.

Провинции Рима

На балконах белье, и крики
Меж домами, как флаги, виснут:
– Как дела? Как улов у Рикки?
– Чем вчера был закончен диспут
В ресторане синьора Франческо?
Итальянские городишки!
Здесь соседи гуторят честно
Через двор, через вечность с лишком.
Здесь дома выросли на скалах,
Как картины – зигзаги улиц.
Я б остался здесь – денег мало,
Да и тесен мне этот улей.
И сказал мне сосед, не молод:
– Город твой – он моложе Анцио,
Петербурго – чудесный город,
Архитекторы – итальянцы!

Стихи

Пусть капли на стекле оконном
Преувеличивают лес,
Моим стихам своим законом
Дрожать судьбе наперевес.
Они как яблоки, что скоры
В траву сырую упадут,
Земля свои раскроет поры,
С дождем их примет, как недуг.
И не заметят их сороки,
По ним не вскрикнут журавли.
К земле вернуться рифмы, строки,
Коль скоро вышли из земли.

Корабли

Я иду к тебе дождями серыми,
Серебром безлюдного пути,
Одинокством пророчеств, нервами,
Но тебя уже мне не найти...
Не сойти с подворья бесприютного,
Не дорисовать последний штрих.
Мой корабль был славен только юнгою,
Но теперь он вырос да притих...
И дома, что потонули в осени,
Так похожие на корабли,
Ни о чем уже не спросят, ни
О ком не протрубят вдали.

Полет

Ни шороха, ни всполоха во тьме,
Ночь безучастна, безответна мне...
И вот уже он смолкнул – говорок,
Дожди отговорили монолог.
Ночь отойдет и годы, и века...
Себя с собой – не примирить никак.
И вечность – соломонов перстень – жмет,
А время продолжает свой полет.

Легко

Как было бы легко решить: кто враг,
Жизнь под залог отдать тупым рефлексам,
С прямых путей не скатывать в овраг
И звездный ритм ночами яро флексить.
Себя прощать, влюбляться ни за что,
Стихи слагать, как в омуте запоя,
И верить в то, что видимо зрачком,
Всегда озвучивая, что и сколько стоит.
Но все сложнее, нелепей, как в кино,
И Рок, как шулер, смешивает карты...
Дворовый кот играет в домино
С бомжами, не скрывающий азарта.

На краю

Ночь облаками занавешена,
Ни звезд, ни лунного серпа.
Скулит судьба собакой бешеной,
Бездомна, призрачна, слепа...
Мой дом сжимается, сутулится,
До точки на одной из карт,
Что вписана в кривую улицу,
И опоздала на века.
И бесконечным многоточием
Летят дождевки на ветру.
И я, бежавший крова отчего,
Свои разлуки перетру.
Судьбу свою приму бездомную,
Дождем крылатым напою
И допишу свою историю
У бездны черной на краю.

Горюшко

То ли взрослых мы в детстве не слушались,
Иль тропинка досталась не та:
Все торопится горюшко в душу влезть
И, как тень, прилипает к стопам.
А вершины, что взяты как дважды два,
И порывы – изнанка страстей,
Не к чему уж повторно обхаживать,
Ветры в них холоднее и злей.
Приютить свое горе, как родинку
На плече, как наколку высот,
Да и жить по судьбе – по погоде мне,
И не ведать: куда занесло.

Не обернусь

Не обернусь, не вскрикну, не сорву
Из памяти, как бусинку, слезу,
В миг перед тем, как слягу под траву,
Что ценно мне – я помню наизусть.
Где падали хрустальные дожди,
И битый тот хрусталь впитал асфальт,
Где прах родных – сокровище – лежит,
И ложь о них не распевает альт!
У песни злой² – четыре языка,
И каждому наречию – Виват!
Пусть будет поздно к прозе привыкать,
Что в том, свершилось что, никто не виноват!

² Кто злую песню распевает – о сплетниках (из римского права).

Перелистни!

Вычеркни себя, перелистни,
Как страницу, вырви из души!
Жизнь ведь не забанить, точно стрим,
А судьбу, как вещь, не перешить.
Как нам всем не пелось, не спалось,
Там, где раздавались ярлыки?
Истина – обглоданная кость,
Кубиком бросалась не с руки.
Подмигнет Жар-Птицы ли перо,
Шапка ль упадет из рукава?
Слово, превращенное в нейрон,
Разобьется зеркалом в слова.
А пергамент выцветших страниц
Стерпит все, вместит, и Бог-то с ним...
Как зарок, смыкания ресниц:
Вычеркни себя, перелистни!

Снегири

Так что ж луна? Во тьме крошечной
Мне руку хоть посеребри!
В Раю, в Аду или где-то между
Мои танцуют снегири?
Сорвется летом ли, зимой ли
Мой голос до смерти земной?
Но, как патрон в чужой обложке,
Он распрощается со мной.
Что мысль? Всего лишь посвист пули,
Чуть слышный ветер у виска...
Как незаметно мы уснули,
Пытаясь истину искать!
Как вдруг нечаянно проснулись!
И в нежном свисте снегирей
Деревья не сломались – гнулись,
Не прекословили, верней.

Лампада

Горит в ночи моя лампада,
Горит, да не коптит,
Иного света мне не надо
На сумрачном пути.
В пещерах темных, ночью длинной
Молитвенная песнь.
И пахнет масло в сердце глины,
И слышится: Аз есмь...
И нет ни боли, ни распада,
Лишь Благодать да тишь.
Горит в ночи моя лампада,
И ты, душа, горишь!

Путь

Когда на белом пустыре
Пустыни, созданной из снега,
Моя не тень бежит ночлега,
И спотыкается. Быстрей
С плеча слетают месяца,
И стаей птичьей мчатся годы,
А сердце, ожидая коды,
Как уголек спешит мерцать.
Какой я музыкой палим?
Какой звездой окольцован?
Кому звучит моя канцона?
В ней весь мой путь, и Бог-то с ним!

С плеча

Не потеряться, не пропасть,
Не растерять крупницы счастья!
Какая все-таки напасть
Быть в этом мире только частью!
Быть всем – удел небытия,
Ничем – буддийской притчей все...
Но прошлое меня рисует
Лишь тем, кем быть обязан я.
Мой долг – мой волк, моя печаль...
И что там, в будущем, маячит?
И падает закат с плеча,
И ночь рассвет, как сына, нянчит.

Силуэт

Пахнет тщедушный запах сигарет,
Калитка скрипнет, ворон подмигнет.
Я головой кручу – тебя здесь нет,
И лет минувших не приметен гнет.
А небо надувает паруса,
И облака торопят свой фрегат
За берега, одетые в леса,
За тропы, что слагались наугад...
И певчих птиц неукротимый хор
Из солнца и весны веревки вьет.
Как странно, что я дожил до сих пор.
Как призрачно видение мое!
Ах, мама, я теряю образ твой!
Слова, как корни, сохнут и молчат...
Летит цветок на небо, Иван-Чай, —
Твой силуэт, твой выдох неземной.

Пробка

Я – пробка в бутылке, что так и не выпита мной,
Ковчег, о котором не смел и подумывать Ной,
И в трубочку мира дыши иль уже не дыши,
Последнего слова и то поспешают лишить...
Последнюю азбуку вышьют наколкой в плече,
Слова из нее холодеют, да все горячей,
О том, что и осени просинь, и весен туман
Все дальше от сердца, почти безразличные к нам.
Рисунок на пробке – слова ли, зигзаги ветвей?
Здесь птицы сновали и тем показались умней,
Что жизнь перелетная их даже в мертвой петле,
Лишь символ свободы, что призван вернуться к земле.

Со скалы

Жизнь изживать – тонка ее пружина,
Безбожно сложен, ложен механизм.
Хоть куклой обожаемой кружи нам,
Хоть падай со скалы безумной вниз,
Не наверстать упущенные годы,
Не извести помарок всех и клякс...
Как с детства повелось: вот этот – лодырь,
А этот вот – трудяга, здесь не клясть!
Сгореть оценкам всем в прицеле взгляда,
А запах гари ходит по пятам...
Но истина не требует наряда,
А где она – как впредь, неясно нам!

Оглянусь

Оглянусь, а за левым плечом полумрак.
Это черт или нечет? По нервам – сквозняк...
И закат за окном так легко умирал,
А листвы и ветров так певуча возня.
Оглянусь, и от призраков спасу уж нет,
Все чего-нибудь просят, куда-то зовут.
От себя самого не уехать южней,
А к себе самому не вернуться – не ждут.
Без оглядки и сны не приходят ко мне,
Оглянусь, и поплыли в немое кино,
Только некуда плыть, коль давно уж на дне,
И сюжеты всех снов мне известны давно.

К тебе

Березки – лишь подсвечники, и листья
Чуть обозначились зеленым огоньком...
Грушу я, сожалею ли о ком?
А все душой стремлюсь как будто вниз я.
И что Весна? Поляны зеленой,
Согласен птичий хор, и солнце жарче,
А жизнь вертится быстрее, и звонче шар чем,
И аромат цветов просеян в ней.
Бог-шмель гудит, сестра-пчела колдует,
Прозрачен воздух, как хрусталик, чист,
И сквозь листву прорезались лучи,
И в этом крошечке огней к тебе иду я.

Отпустило

Отпустило. Теплеет земля
И ручьи побежали быстрее,
Обозначились почки, и я
Их, касаясь, теплом своим грею.
Это коконы бабочек, их
Крылья-листья расправятся скоро.
Этот вечер доверчив и тих,
Нет ни битв, ни сомнений, ни спора...
Мамы нет, без нее мне впервой
Побрататься с весной – незадача,
И, склонившись едва, надо мной,
Плачут сосны-сироты на даче.

В чаше

В эту чашу вхожу я все чаще, и чаша
Мне не кажется спящей или молчащей:
Щебет птиц, шорох веток, и даже я верю —
Ощущаю, в земле как сжимаются черви.
И береза играет на призрачной скрипке,
Между сосен органом льет музыку ветер.
И в моем безголосом, безвыходном крике
Есть мелодия леса, да кто бы заметил!
Молоко облаков превращается в творог,
Что закатом, как лезвием огненным, вспорот.
Я домой принесу, словно птицей кричащей,
Этот вечный мотив, эту исповедь чащи.

Дороги

Все дороги мои – недотроги,
Не пройти по ним без хулы,
Даже камни их, ох, как строги,
Травы их злобной склокой полны.
Чертыхается вслед кустарник:
– Ты нам всем здесь – предатель и враг!
И мне странно, что я, как странник,
До сих пор не упал в овраг.
Будут ноги шаркать, убоги,
Потеряют следы в пыли...
Недотроги – мои дороги —
Между мной и тобой легли.

Чужая жизнь

Жизнь чужую, конечно, возможно и взвесить,
Оценить по сравнению с жизнью своей,
И других, и героев романов, Блаженную вестью,
Бесконечных свидетельств из царства теней.
И понять: все течет, и всегда, дорожая,
Даже твой самосуд переменчив и лжив,
И любая судьба – лишь формально – чужая,
Сопричастна твоей, лишь покуда ты жив.

Городу

Фасады, чьи красоты не бедны,
И площадей парадное убранство,
Но ты пространству будешь как лекарство
Бескрайней протяженностью воды!
И, как инсульты, в каждом островке
Воспоминания с фонариками вспыхнут,
И мне ли здесь теперь искать иных пут?
Пусть жизни часть осталась вдалеке,
Но я вернулся к этим берегам
Каналов, рек, царей и коновалов...
Не все великое мы постигаем в малом,
И всех путей не сбросить в Инстаграм.
Парит мой город, как кораблик в небе,
Плывет под парусами облаков,
Мы всякий раз встречаемся легко,
Да от разлук добыть инъекций где бы?

Поперек

А на снегу растаяли слова.
И что писать, коль некому прочесть?
А над челом святающийся овал,
Пусть не про миф, а все-таки про честь!
Подснежник мои песни допоет,
С иконы улыбнется Николай,
Луна, закатный источая йод,
Излечит волчий вой и песий лай.
А за околицей неведомы миры,
Их запах делит чей-то костерок,
И тени наши движутся, и мы
Самим себе, возможно, поперек.

Как тебя найти?

Зеркала, коридор из зеркал,
И свеча горит вдалеке.
Я не часто в судьбу вникал,
Потому и жил налегке.
И кружила шарманка дней
Непутевую песнь свою,
Я почти побратался с ней,
Но теперь ее не узнаю.
И не помнит сердце мотив,
А вдали погасла свеча.
В темноте как тебя найти,
Неожиданно и сгоряча?
Пахнет дым твоих сигарет,
Ты выходишь из темноты...
Этот воздух тобой согрет,
Только в нем потерялась ты.

Алфавит

Ни к какой не хочу примыкать стае,
Никаким богам голосить гимны...
Идеалы, которые я отстаивал,
Как и все другие, пожалуй, мнимые.
Преферанс между мной и судьбой и обществом,
И на выходе я – банкрот,
И как Отче наш, повторяю отчество,
И читаю азбуку наоборот.
Оттого, что случайны слова, созвучия,
Поцелуй в ночи и полет шмеля,
То, насколько мы невезучие,
Завершалось с А, начиналось с Я.

За окном

Окно, а за окном – поляна, лес,
Река петляет змейкою проворной,
Порхает бабочка, на соснах дремлют вороны,
И я иду судьбе наперерез.
А пусть не я, а кто-нибудь другой
Шагает, рассекая ветер вдребезги,
Хрустит и пахнет чуть примятым вереском,
Спешит пройти под радугой-дугой
И загадать заветное желание,
Пусть не желание – сумеречный бред:
Сменить себя на лейблу или бренд,
Отдав себя, как агнца, на заклание.
И встретить женщину и реку перейти,
Да нет же – продолжать идти вдоль берега
И жизнь свою прервать на полпути
Иль с честью довершить, что было велено.
Не все ль равно, какой там эпилог,
Горька иль солона слеза у зрителя?
Там, за окном, так драма убедительна,
Но комнату оставить я б не смог!

Утро

Миндаль с лимоном, шоколад и кофе —
Изысканное утро, как в кино...
А вот на сердце, как с похмелья, муторно,
А не было похмелья, и давно.
И облаков небесной сыроварни
Чуть позолочены пушистые края.
Твои глаза приснились ночью, карие,
Улыбка – как захлопнутые ставни.

Лица

Вот дорога на озеро, с ней
Много связано воспоминаний,
И с годами я вижу ясней
Лица тех, что давно уж не с нами.
Где они? В прошлогодней траве?
В иглах елей, в смолы аромате?
А закату в воде багроветь
Всей своей предвесеннею статью.
Так, наверно, и мне суждено
Медяком в горизонт закатиться
И уйти в темный омут, на дно
И в сознании чьем-то продлиться.

Наперед

И бабочками с розы лепестки
Спадали, отлетали, улетали...
И музыка царапалась, не та ли,
В уже посеребренные виски.
У времени регламенты просты,
Жизнь человека и цветка мгновенна,
И кровью заблудившейся по венам
Плутает память, жжет свои костры.
И роза опадет, и жизнь пройдет,
И прах забудется, и не к чему стремиться...
Смотри: с Весной к нам возвратились птицы,
И все, что сбудется, мы знали наперед.

После

Посеребри виски печалью,
Слезой глаза позолоти,
Как мы, неверно, отвечали
Про жизнь, что бродит, во плоти.
А после, что там будет после?
Кому вина, кому война?
Кому любви, кому-то злости
Юдоль убогая дана.
И смерть – лишь смена декораций,
А в целом все без перемен.
Как некогда сказал Гораций:
Жизнь коротка – сверяйся с тем!

Соринка

В глазу соринка вызовет слезу,
И та, как линза, увеличит местность.
К душе, видать, пришел подкожный зуд,
Коль мысли о других совсем не лестны.
Из этих бревен не построишь дом,
Оценка – производная гордыни...
Живу легко, не мыслю ни о ком,
И прошлое не тяготит поныне.

Лицо

По капле выжимая облака,
Дождь так и не решился выйти в люди.
А нам то что – не в прибыль, не убудет,
Коли ему накрапывать слегка.
Он окропил фасады, тротуар,
Стеклянных лбов машинные зигзаги,
Деревьев ветви, что мокры и наги,
Прохожих, что спешат, как на базар.
А я по облаку ходил, как по тропе,
И не сворачивал, и пел свою канцону,
И в сотый раз терял свое лицо, но
Дождь не усилился – застыл, оторопев.

Мы

Я закрыл свое сердце от вьюг и ветров,
От кривых улыбок и лживых фраз,
Вот пойду теперь наломаю дров
И влюблюсь в тебя, словно в первый раз.
Но моя душа под стальным замком,
И тебя в ней нет, и потерян ключ...
И до боли образ мне твой знаком,
А твой острый взгляд, как игла, колюч.
И звездой горит капля с той иглы,
И скрипит замок на семи ветрах...
Пропадает мир, пропадем и мы,
Каждый сам в себе, да на всех парах!
Я открыл свое сердце тебе и другим
Растопил металл, даже пик иглы...
Только жаль – абсолютно я стал другим,
И иным стал мир, и иными мы.

Подорожник

У предсказаний свой исток,
У недосказанности – устье.
И мир потерян меж истом,
И к ним беспомощно тянусь я.
И подорожник на тропе,
Возможно, выглядит дороже
Всех поисков моих вовне
И всех моих прозрений тоже.

К доске

Вдоль дорог моих цветы не растут,
Ни травинки, ни былинки, ни сна,
Я по ним, как на почетном посту.
Сколько лет маршировал – не устал!
Нет ни целей, ни высоких затей,
Жаждой власти не заражен,
Что, как страсть, нам ворожит в пустоте,
А при целях – знай да лезь на рожон.
Будет день, где, как на помин души,
Все пути в серебристый клубок
Вдруг совьются, чтоб жизни лишить,
За собой повлекут – глубоко.
И я споюсь с океанами лет,
Позабуду: где жил, как да с кем.
Как студент, что не знает билет,
Подойду к черной-черной доске.

Двери

Я стучал в водянистую землю,
Серость грязи лопатой мерил...
Пухом ласковым быть не лень ей?
– Закрываются двери!
Там, где прах твой закопан, птицы
Защечечут свои молебны,
И весна с озорством царицы
Аромат свой плеснет целебный.
Только имя твое осталось,
А гранит, он и тот не верил:
Что бессильны любовь и жалость...
Закрываются двери.

Истина и Весна

А истина и без меня
Проходит где-то между нас,
Подснежником в лесу звеня,
В Весну ручьями пролилась.
И вся-то жизнь – лишь суета?
И вся ли смерть – ее предел?
И карта битая не та,
А и козырной не хотел.

Рубище

Небо губами трогать
И шелестеть слова...
Этой березы проповедь
Суетна, не нова...
Этим ветрам насвистывать
Музыку горних сфер,
Что, словно смерть, неистова,
Оголена, как нерв.
Там, где глазам твоим плакать,
Синим цветам цвести,
Чтобы печаль нам не стала ткать
Платья в грошовый стиль.
Чтобы мой голос, рвущий
С истин и фарт, и спесь,
Мне не казался рубищем
В прошлом, сейчас и здесь!

У мамы

Не молчи, говори, говори,
Хоть о чем, хоть бы как, хоть бы что!
Про Юпитер, про Питер, про Рим,
Голос твой в небесах не учтен.
До последнего вдоха борись,
До последнего выдоха – будь!
Каменеет над городом высь,
И Фонтанки придавлена грудь.
Как так случилось, тебя я бужу,
А глаза чуть открытые лишь?
Кто же нам прописал эту жуть?
Онкохоспис, палата, ты спишь...

Кроссворд

Кроссворды тренируют память,
Слова через намеки фраз
Не раз придется мне проставить
И буквы сосчитать не раз.
Пустые клетки заполняя,
Небрежным почерком своим,
Отдам на откуп им полдня я,
Пустой забавою томим.
С тем, чтоб словечки, как приманку,
Булавкой к сердцу приколоть.
Не так же ль точно душ изнанку
Разгадывает в нас Господь?

На испуг

Усни, как в камине угли,
Как реки под коркой льда.
Удача приходит вдруг ли?
Но закономерна беда.
И все-то мои потери,
Как все огрехи души,
По вере, браток, по вере
Придется мне совершить.
И незачем сердцу плакать,
Коль жалость не сушит слез,
Но эта земная слякоть
По совести и всерьез.
О том, что мгновенье зыбко,
К тому, что забвение – миф,
И все ли мои ошибки,
Имеют цену, тариф?
Остынут в камине угли,
И лед растопит река,
Судьба берет на испуг ли?
Да вот – не проймет никак.

Птицы

День, как птица, промелькнет – исчезнет
Белым голубем за крышами домов.
Город мой – лекарство от болезней,
Жизнь – не мной отснятое кино.
Лица, перебранки, диалоги,
Антураж обыденных проблем,
По всему видать – дано не многим
Избежать коллизии дирхем.
Деньги правят миром, мир деньгами,
И сценарий тот же, и пролог,
Все, что на земле случилось с нами,
Не глагол по сути, а предлог.
Передел, придаток, «про» и «пере»,
У судьбы грамматика своя,
Отлетают птицами недели,
Месяцы, года... Когда-то – я.

В золе

Вслушиваюсь в тишину.
Где там ее предел?
Месяцем слово жну,
Даже и не вспотел.
Но достаются мне
Только одни вершки.
Милость делю на гнев,
Бурю на полный штиль.
Кровь допоет мотив,
Чтобы потом истлеть.
Ангелам во плоти
Давит земля, как клеть.
Мне в тишине легко,
О, невесомость лет!
Ты отозвалась в ком
Или лежишь в золе?

Трансформация

Не примирюсь. Безмолвие – хандрит,
Царапают слова по сердцу ногтем,
Что ночь не кончится с явлением зари,
Что эту ночь с души уже не смоете,
Что если мама умирает – жизнь
Уже течет совсем в другую сторону,
И что ни выкрикни, и что тут ни скажи,
Ни прорыдай – надежды похоронены.
И образ детства в памяти больной
Мне прокричит с помехой, как по рации:
– Я так тебя люблю, родной ты мой!
А смерть – не смерть, а просто трансформация.

В Питере

По облакам летит кораблик,
Что отражаются в реке
И, исчезая вдалеке,
Возможно, свой меняют облик.
Собор, свой купол возвышая,
Храним архангельским мечом,
Он словно гость, что над плечом
Свою вытягивает шею.
И Невский радует парадом
Архитектуры и витрин,
Рисуй ли ты его, сотри...
А он – все горд своей породой.

Комнаты

У жизни – жизнь, у смерти – гибель,
У всех свои права, ключи...
И хоть кричи от боли либо
Как ангел сумрачный молчи.
А коридор меж этих комнат
Наполнен речью деловой,
И ни лампадки, ни иконы,
Лишь формуляры – и домой.

О маме

Ты говори да перелистывай,
Перескажи, перепиши.
Ждет в небесах тропинка чистая
Из недр от доньшка души.
Сведет на нет все боли, беды все,
Воспоминания, наркоз.
Ты, умирая не от бедности,
О жизни думаешь всерьез.
Лекарства запах, мера капельниц —
Песочных прототип часов.
Вот уж досталось нам свиданьице
Да поцелуй, в конце концов.
Попытки вырваться из ужаса,
Врачей жестокий приговор,
И голова, должно быть, кружится,
И на устах немой укор.

Гнет

Бездоказательно и нежно
Поет пчела, трещит сверчок.
И ночь, как омут, неизбежна,
Садится птицей на плечо.
И пахнет травами степными,
И звезд густеет молоко,
Но будет присно то, что ныне,
И с небом умирать легко...
А сокол вырвется с предплечья
И камнем в выси упадет.
Мир перевернут, человечья
Природа побеждает гнет.

В лесу

Я один в этом дивном лесу,
Ни тропы не видать, ни знака.
И кому я свой крест несусь,
Этих слез бирюзовую накипь?
Буду соснам псалмы читать
И, молитвы для птиц слагая,
Угадаю Лешего стать
За березкой, что спит нагая.
И Весна отопрет ручьи,
И дороги мои найдутся,
Не такие уж мы – ничьи,
Что с того, коль себе я хайдук сам?
А в лесу, где я так невесом,
Ни границ, ни пределов нету.
Боли все отойдут, как сон,
Перешагивающий запреты.

Рисунок

Точу усердно серый карандаш,
Ножом замызганным, не острым, перочинным...
Что не пропьешь, не выдашь, не продашь?
– Тебя рисую все, без причины.
То челка прячется, то ускользает взгляд,
Все движется, дрожит изображение,
Всех попаданий, как в игре в бильярд,
Не просчитать, не выполнить уже мне.
И все, что прожито, отжито, сожжено,
Скрывается под крошевом графита,
Рисунок, он ведь жизни уже, но,
Увы, о нем не скажешь: *Dolce vita*.

Из троллейбуса

Вот Литейный сквозь, с брызгами грязи, окно
Из троллейбуса – ретро, немое кино,
Дом, где Бродский грустил и когда-нибудь жил,
Тротуарами соль, догорая, лежит.
И мне машет февраль голубиным крылом,
А на улице как-то легко и светло,
Как чужая, зима жметя к стенам домов,
И солдаты идут тяжело и умно.

Маме

Что тебе ни скажи, все выходит – не то.
Как тебя задержать? Не подскажет никто.
Как тебе тяжело, уходя, уходить!
Над твоей головой белым Ангелам быть.
Над твоей сединой не растопит слеза
Бесполезные споры, что против и за...
Не от жажды – от грусти, что ломится к нам,
Умирает цветок, ткнувшись в пластик окна.

На улице

А на уютной улице моей
Огни реклам, кафе и магазины,
И пешеходы шествуют, верней,
Сограждане, как ночь, неотразимы,
Но отражаются на зеркальце витрин.
И тьма, как шарф, ложится мне на плечи.
И хочешь – сам, как звездочка, гори
Или ступай к мирам иным, далече.
Но коротки далекие миры,
И поводок их жадно душит горло.
Я прохожу, и он, и ты, и мы,
Невидимый поддерживаем спор о
Политике, эстраде и кино,
Интригах, что в семье и на работе.
Акценты все расставлены давно,
И предreshен финал всех споров вроде.
Но всякий раз, ломая горизонт
И пыль веков сдирая с тротуара,
Я безотчетно знаю – повезло,
Что я лишь часть вселенского угара.

В браке

Белая крынка с водой – не разбить бы,
Не расплескать и не выпить иль вылить по ветру...
С временем в браке давно я, от этой женьбы
Не улететь, не уплыть, не сбежать на полметра...
Страсти уйдут – нарастет беспокойная старость,
Старость ведь страстью не лечат – не излечима,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.